

*Посвящается тем, кто всегда рядом
и всегда готов поддержать.
Мама, папа, Слава и Лиза,
без вас моей мечте так и суждено было бы
остаться только мечтой.*

ГЛАВА 1

ГНЕЗДО

Иногда, очень редко, случается так, что я слышу песнь ночного города. Это бывает в те дни, когда вокруг особенно тихо. Молчание мрака вдруг прорезает нежная, едва уловимая мелодия, будто прилетевшая издалека и случайно заплутавшая среди многоэтажек и подворотен. Город поёт без слов, убаюкивает своих жителей, принося им дивные сны, и тогда мне хочется верить, что *всё в этом мире действительно имеет свою силу*. Это любимые слова моей мудрой

тётушки Инессы, но вспоминаю я их обычно лишь в подобные таинственные ночи, когда ощущаю себя неотъемлемой частью этого большого города — незримой тенью среди мириад погасших окон.

А с наступлением утра мир как будто вновь теряет глубину и наполняется привычной рутинной и бестолковым шумом. Вот опять пронзительно поскрипывает несмазанными петлями дверь, ведущая в комнату, а на кухне, сцепившись как две галки, во весь голос кричат друг на друга дорогие тётушки. Порой это кажется таким невыносимым, что вся квартира трещит по швам как старое платье.

— ...Ты не можешь так говорить! Я в ответе за своего сына! — высокий голос тёти Анфисы вспарывает воздух, разносится эхом по комнатам и звонкими искрами ещё какое-то время мечется в стекляшках хрустальной люстры, венчающей потолок нашей прихожей.

— А что будет с тройняшками и гнездом, тебе, как всегда, безразлично?! — отвечает ей низким грудным голосом тётушка Инесса, которая хоть и не любит подобного рода ссоры, но почему-то раз за разом становится их участницей.

— София оставила их тебе! Это не моя работа!

Я тяжело вздыхаю и пальцем провожу над пламенем свечи, зажатой в моей ладони. Этот скандал повторяется уже который раз на этой неделе, и ни я, ни мои сёстры так и не можем сказать, в чём же причина размолвки между тётушками, сколько бы ни подслушивали. Итогов у этих кухонных баталий тоже никаких нет, только всю квартиру заволакивает чёрным смолистым туманом, дышать в котором практически невозможно. То ещё удовольствие бродить после по комнатам, будто где-то неподалёку горят торфяные болота, но почему-то никого это совершенно не волнует.

Палец после свечи мгновенно покрывается слоем копоти, и я его сразу же без каких-либо угрызений совести вытираю о чистую простыню на кровати. Всё равно не моя — тётки Анфисы, а её вещей совсем не жалко.

— Ты выбросишь их из гнезда, как только появится шанс!

— Будто бы ты с Димой обойдёшься иначе! — возмущённо восклицает Анфиса.

— Я никогда не прогоню ни его, ни тебя, пока сами не захотите!

— Это только на словах! А на деле, знаю я, выставишь за порог как щенка, потому что печёшься только о своих девчонках!..

Громкий удар кулаком по обеденному столу заставляет Анфису испуганно замолчать, по-

перхнувшись последней фразой. Я втягиваю голову в плечи, предчувствуя скорую развязку.

— Пока я старшая в этой семье, никто не смеет сомневаться в моих словах! — гремит гневный голос тётушки Инессы. Противно скрежещет отодвигаемый стул, и на кухне становится на одну душу меньше. Эта душа, правда, сразу же возникает на пороге смежной с кухней комнаты, где на краешке кровати и сижу я, свесив ноги вниз и ловя капельки воска, сползающие вниз по свече белыми червячками.

— Варя, убери там, — строго просит тётушка и уходит. На моих глазах она поворачивает свой медный ключик в замочной скважине ведущей в кладовку двери и сразу же исчезает за ней. Совсем исчезает, покидая гнездо бесшумно, как привидение, и, судя по всему, не намереваясь сюда возвращаться раньше ужина. И куда только она сбегает так рано утром в выходной день?

— Варя, вот и ты наконец! — едва завидев меня у входа на кухню, нетерпеливо восклицает тётя Анфиса, даже не озаботившись пожеланием доброго утра. — Мы тут с Инессой слегка повздорили... Ну да это не так важно! Мне уже пора бежать. — Словно она не знает, что я опять подслушивала из её комнаты и в курсе всех криков. Трудно, знаете ли, не подслушивать, когда весь дом ходуном ходит от такого

шума с самого утра. — Варя, ты тут всё при-
бери! Только тщательно! А то вчера ты ванну
вроде бы мыла, а разводы грязи на стенках
остались, будто ты её и не касалась, — уже за-
совывая ноги в туфли в прихожей, беспрерыв-
но бормочет Анфиса. Через пару минут хлопает
входная дверь, и тётки уже и след простыл.

Остались лишь я, белая, истекающая вос-
ком свеча и непроглядная тьма, сажей под-
нимающаяся под самый потолок кухни.

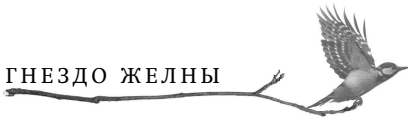
Вечно я за всех убираюсь, а потом ещё
и упрёки выслушиваю!

Размахивая свечой из стороны в сторону,
я начинаю ходить от стены к стене, прогоняя
туман, набежавший от злых слов тётушек,
и стараясь не капать воском на пол. А то мне
же и придётся потом его соскабливать.

Клубы медленно и неохотно развеиваются.
Едва во всей квартире светлеет, я, послунив
пальцы, гашу фитиль и быстро выбрасываю
в мусорку полностью почерневшую свечу.

Вечером, как и ожидалось, про скандал ни-
кто даже не вспоминает. Вся семья собирает-
ся за одним столом на ужин к восьми часам,
как заведено. Сперва все молчат и сосредото-
ченно жуют курицу, пересушенную в духовке

моей старшей сестрой Ольгой, которая уже который год пытается отыскать в себе несуществующие задатки великого повара. А после, выковырив из зубов резиновые волокна, за чаем с конфетами мы с ленцой делимся последними новостями дня.

— Кстати, нас просили заглянуть в художественную школу, — первой заговаривает тётя Анфиса, с противным звуком прихлёбывая горячий чай.

— Андрей Васильевич опять? — спрашивает тётушка Инесса. — Не иначе снова у них в западном коридоре шалят.

— В этот раз не всё так просто! — с лёгкой гордостью в голосе, будто это её рук дело, отвечает Анфиса. — Говорит, лица являются.

— Лица? — удивлённо переспрашивает круглый, как шарик, румяный Дима, набивая щёки покупным печеньем. — Что ещё за лица такие?

— Надо смотреть, — лаконично произносит Инесса. — Но не в ближайшее время.

— Он завтра просит, — между делом упоминает её сестра.

— Никак не могу. Ни завтра, ни послезавтра. Ни вообще на этой неделе.

— Что у тебя там за дела ещё такие? — ворчит Анфиса, её чашка звонко ударяется о дно блюдца.

— Сама знаешь. У Брусникиных в окна заглядывают. Надо весь день караулить на подоконнике как наседке, чтобы не пропустить. Ещё на работе двое на больничном — заменять их некому, кроме меня. Ничего не поделаешь, подождёт Андрей Васильевич со своими лицами.

— Ой, а можно мы сами посмотрим на лица, тётушка? — тихим голосом просит Лера, наша младшая сестра. Прелестный ангел с проказливой душой, которого иначе как Лерочкой никто в семье не зовёт, хотя ей давно уже не пять лет.

— Нет, мой птенчик. — Склонившись к племяннице, Инесса гладит её по выгоревшим на солнце, светлым, торчащим во все стороны волосам. — Не ясно, что там Андрею Васильевичу привиделось. Вечно он придаёт ничего не значащим вещам чересчур много смысла. Мне нужно лично во всём убедиться.

— Ну мы ведь тоже с таким справимся, — ворчу я со своего места, языком перекатывая за щекой яблочный леденец.

Тётушка бросает на меня поверх маленьких очков свой непроницаемый серый взгляд. В нём читается бездна опыта и капелька сомнений.

— Ты так в этом уверена?

После подобного вопроса обычно никто уже ни в чём уверен не бывает. Вот и я иду на попятную:

— Н-нет...

— Вот и не прыгай выше головы.

— Но мы ведь можем и помочь чем-нибудь! — просится Ольга. — Так всё лето пройдёт, опять школа начнётся, а мы все каникулы как узники по разным комнатам просидим...

— Будто есть в этом что-то дурное, — бормочет Анфиса себе под нос и сразу же скрывается от недовольных взглядов за чашкой с чаем.

— Ничего интересного предложить не могу. — Инесса пожимает плечами, отчего её чёрная пушистая шаль чуть сползает на спину, но тётушка сразу же ловит беглянку. — Хотя есть одно дело... В гнезде последнее время не слишком спокойно. Вредители повывлезали из своих щелей, будто предчувствуют перемены. Нужно их изводить, пока не попрятались обратно.

— Всё верно они предчувствуют. — Прищурившись, Анфиса прожигает сестру непримиримым взглядом.

— Умолкни, ворона, — резко шикает тётушка в ответ. — Так вот. У меня в шкафу стали вещи пропадать. Вы уже взрослые, сами знаете, что нужно делать. Мне возиться неохота, да и некогда, так что выведите дре-

воточцев и отыщите все мои пропажи. Такое вам по силам, думаю.

Ольга сразу же расцветает, я тоже охотно киваю, радуясь, что хоть какое-то занятие появилось. Не часто нам доверяют полноценную работу, пусть и в границах дома.

— Дима, — обращается Анфиса к сыну, — ты тоже помоги.

— Ладно, мам, — лениво бурчит он в ответ, хотя по блеску в глазах видно, что в душе он очень даже рад новому делу и тому, что и о нём не позабыли.

— Так и порешим.

Тётушка хлопает в ладоши, закрепляя свои слова, и возвращается к чаю. Вновь стучат ложечки, шуршат фантики, и наша семья, быстро закончив ужин, расходится по своим комнатам.

Едва утром тётки покидают гнездо, разлетаясь по своим делам, мы уже готовы трудиться. Нам доверили работу! Давно такого не было, и надо не подвести семью, сделать всё по уму и как можно лучше, чтобы и придраться было не к чему.

Ольга первой просыпается, будит нас с Лерой, свернувшихся клубочками на своих кро-

ватях, и зовёт Диму, который в одной пижаме сразу же прибегает на зов, будто давно уже сидел в коридоре под дверью и только и ждал приглашения войти.

— Давайте-давайте! — строго поторапливает старшая сестра, заплетая свои длинные волосы в крепкую толстую косу. — Быстрее начнём — быстрее похвастаемся итогами работы! Сейчас сделаю завтрак — и вперёд!

Ольга удаляется на кухню, с щелчком зажигает газ и начинает лазать по шкафам, гремя посудой как беспокойный призрак. Я слышу, как она тихо напевает себе под нос какую-то навязчивую мелодию и, шлёпая тапочками, бродит туда-сюда, пребывая в отличном расположении духа.

Мы же с Лерой, протирая заспанные глаза, идём умываться. В ванной зеркало опять забрызгано мятной зубной пастой, и её свежий аромат витает над раковиной.

Младшая сестра что-то невнятно бормочет, не вынимая щётки изо рта. Белая пена течёт у неё по губам и капает на воротник пижамы.

— Неряха! — Я мокрой ладонью убираю мятную кляксу с её одежды. — Чего ты там сказала?

— У меня вчера бусины под кровать закатились, — повторяет Лера и вновь пачкается пастой. — Я хотела их собрать, но не достаю...

— Сейчас посмотрим, — обещаю я, а сама слежу, как бы Лера не вымазалась вся в белой пене. Удивительный ребёнок — она может выглядеть невинным ангелом, сидя посреди лужи. Грязь пристаёт к ней как намагниченная, а Лера даже внимания на это не обращает. Если бы не мы с Ольгой, то она бы уже давно превратилась в дикарку со спутанными волосами, чумазым личиком и дырявой одеждой.

В нашей общей детской сестра первым делом лезет под свою старую металлическую кровать и кричит оттуда:

— Вон там! Видишь? Они рассыпались, а я не дотягиваюсь.

Я опускаюсь на колени и, касаясь ухом холодных половиц, заглядываю под кровать. Там темно и ужасно пыльно, хотя недавно моя метёлка была и в этом безрадостном месте — я готова поклясться! Ничего не видно, и только от дыхания клочки пыли перекатываются как невесомые облака.

— Неси из коридора веник, — строго велю я и, как только верная метёлка оказывается в руках, сразу же тянусь ею в дальний угол.

Веник без единого звука мгновенно кто-то крепко хватает и со всей силы начинает его дёргать. Я впиваюсь пальцами в ручку, не собираясь так просто сдаваться, будто этот веник мне дороже всего на свете. Лера, распах-

нув свои большие ясные глаза, с интересом наблюдает за тем, как мы играем в перетягивание метлы целую минуту. Но в конце концов вредитель побеждает, вырывает веник из моих ослабевших рук и с грохотом утаскивает его под кровать.

— Вот же ж! — Я возмущена до глубины души, даже чувствую, как покраснелись щёки. Права тётушка — в гнезде что-то неспокойно. Раньше древоточцы не вели себя так вызывающе дерзко! Я опять заглядываю под кровать — и там мой веник сиротливо покоится в самом тёмном углу, окружённый своими верными подданными: пылью и мраком. — Ну ладно! Сам напросился!

Схватившись за край изголовья, я, пыхтя от натуги, тяну на себя дребезжащую металлическую конструкцию, скрежеща ножками по полу. Едва кровать немного отходит от стены, Лера ныряет в образовавшуюся щель и гордо достаёт веник вместе с россыпью своих стеклянных бусин. Вся в пыли, уже совершенно чумазая, как бесёнок, но очень довольная.

— Всё! Давай задвигай! — звонко командует она, покидая угол.

— Ну уж нет! Эта нечисть подкроватьная там не останется! Веник забрал, бусины украл — надо его гнать отсюда, пока не отъелся!

Лерочка грустнеет на глазах. Знает, чем это чревато. Живущих в пыли гонят чистотой — это всем в гнезде известно. А уборка в нашем доме в чести лишь у меня. Но куда же белокурый ангелок пойдёт против слова старшей сестры! Я, конечно, не Ольга, но и со мной не забалуешь. И вот Лера уже покорно несёт из ванной комнаты мокрую половую тряпку, а у самой на лице отчаяние пополам с жалостью к себе.

— А завтрак скоро будет? — Круглощёкий Дима заглядывает в комнату, но, едва завидев тряпки и веник, мгновенно развернувшись на пятках, молча растворяется в тенях коридора.

— Некогда завтракать! — Задрав подол длинной ночной рубахи, я падаю на колени и начинаю размазывать по полу разлетевшуюся пыль. Двигаюсь от центра комнаты к углу, где серые катышки уже сами собой стягиваются к плинтусу. Чует вредитель, что по его душу идут! Мокрая тряпка скользит по доскам, оставляя за собой влажный след, а за ней с сопением ползу я, бормоча проклятья в адрес незваного гостя. Следи, не следи, а всё равно в гнездо постоянно кто-то просачивается — нам же остаётся лишь своевременно избавляться от древооточцев, хоть это не всегда легко и приятно.

Едва грязным остаётся лишь малый уголок, куда собирается вся пыль, я одним движением смахиваю её тряпкой и, скомкав своё смертоносное орудие чистоты, несу его в ванную промывать под водой. Поток засасывает комок пыли в воронку и с чавканьем отправляет в канализацию. Бесславная гибель для вредителя!

Кровать со скрипом встаёт на место, брэнча панцирной сеткой, и вот мы с Лерой, уже переодевшиеся и готовые полноценно позавтракать, ныряем в освещённую солнцем кухню. За пустым столом, застеленным бордовой бархатной скатертью, никого нет. Тихо покачивается круглая люстра в выцветшем, некогда коралловом абажуре, и горит одинокая конфорка, на которой нет ни кастрюли, ни сковороды.

Я заглядываю в комнату тёти Анфисы. Дима, играя в смартфон в какую-то очередную бестолковую стрелялку, которые он обожает, молча сидит на своём раскладном диване в углу, ни на что не обращая внимания.

— А где Оля? — в недоумении спрашиваю я двоюродного брата.

— Полезла в чулан за кастрюлями и пропала, — равнодушно отвечает он, не отвлекаясь от телефона.

— Ясно...

Я возвращаюсь на кухню и выключаю конфорку. Лера назойливо крутится возле, с надеждой в голосе то и дело просит достать с верхней полки шкафа конфеты.

— Нечего! — шикаю на неё. — Appetit испортишь, потом Ольга на меня злиться будет. Лучше иди сядь.

Лера падает на стул и роняет голову на сложенные руки, обиженная на меня за суровый тон.

А вот я, уже чуя неладное, быстро иду в чулан. Оли там нет, зато есть две блестящие кастрюли, они стоят на полу напротив друг друга. Одинаковые, никто не отличит. Ни пятнышка, ни пылинки на них нет, словно специально кто-то чистил весь день. Только от одной явственно пахнет репейным маслом для волос, столь любимым моей дорогой сестрой Ольгой, и почему-то крышка нервно подпрыгивает, будто внутри что-то кипит. Я без промедления плюю в соседнюю, незыблемую и неподвижную. От подобного обращения и негодования у неё ручки чернеют на глазах. А кому понравится, когда в тебя плюют? Зато вредитель сразу же снимает морок с Ольги, позволяя ей вновь принять свой привычный вид: сидит сестрица на полу, согнувшись в три погибели, ладошки по бокам держит на манер ручек и только зубами скрежещет со злобы.

— У! Я ему устрою! — восклицает старшая сестра сразу же, как только осознаёт свою человеческую сущность и вернувшуюся теплокровность. Едва она заносит кулак над оставшейся кастрюлей, та и вовсе вся чернеет до самой крышки, будто закоптилась хорошенько, и в воздухе появляется явственный запах горелого, быстро разносящийся по всей квартире.

— Кто это там что сжёг? — сразу же кричит из комнаты Дима. — Опять, что ли, Ольга про кашу забыла? Сегодня жареная вместо недоваренной будет?

Оля краснеет и от чистого сердца пинает кастрюлю, та, подпрыгивая и гремя, укатывается в самый центр кладовки.

— Я к тебе ещё вернусь! — грозит сестрица кастрюле, потрясая кулаком, и, схватив с полки тару поменьше, быстро убегает на кухню, лелея в своём сердце мечту о скорой расправе.

Каши мы, конечно, ждём ещё полчаса, и Ольга всё же пропускает момент, когда овсянка переваривается и начинает прилипать ко дну кастрюли. Сгоревшую часть она любезно оставляет себе, хоть толку от этого мало — всё равно вся каша пропитана запахом гари.

Теперь, после плотного завтрака, наконец пора приступать к выполнению тётушкиного

задания, от одной мысли о котором хочется в предвкушении потерять ладони.

— Ну-с, что тут у нас? — заглянув в шкаф в комнате Инессы, важно изрекает Ольга.

Вообще спальня тётушки всегда была и остаётся самым приятным и убранным местом в доме. Во многом благодаря моим усилиям, конечно, но и сама Инесса никогда не позволяет пыли и беспорядку надолго задерживаться на её территории. Книжки, в рядочек расставленные по шкафам, имеют какой-то порядок, ведомый лишь тётушке. Тонкий изящный ковёр с бахромой блестит ослепительной чистотой, и даже в тапках ходить по нему кажется кощунством. На кровати высятся взбитые подушки, накрытые расправленным и выглаженным пледом. Со стен смотрят старые чёрно-белые фотографии семьи. Инесса, Анфиса, наши бабушки Вера, Милана, Галина и даже нечёткий выгоревший снимок прабабушки Акулины, весь в паутине царяпин и трещин. Здесь есть и моя мама: портрет овальной формы висит над тумбочкой возле кровати, и с него на нас с сёстрами смотрит молодая изящная женщина с плавным изгибом шеи и усталым бархатным взглядом. Красавица, каких поискать. Раньше я часто бегала в комнату тётушки, чтобы полюбоваться мамой, хоть Инесса и не любит,

когда к ней заходят без спроса. Потом я всегда стояла у зеркала в ванной, по часу разглядывала своё лицо, пытаюсь отыскать черты матери. Надеюсь, однажды я стану такой же красивой, как она. Мне бы этого хотелось. Хотя вон Ольга совсем не походит на маму — нос острый, брови прямые, как по линейке, и нет в её облике ни женственности, ни нежности — только какая-то неестественная прямота в каждой черте и строгость. Будто ей всего неделю назад исполнилось не пятнадцать лет, а уже все сорок!

Лера тоже боится без разрешения заходить в комнату тётушки, хоть и знает, что своей любимице Инесса ничего не скажет. Сестра робко встаёт в сторонке, будто готовая в любой момент убежать, а вот Дима сразу же с любопытством бросается разглядывать старые фотографии.

— Мы сюда по делу пришли! — напоминает Ольга, копаясь в шкафу.

Его тёмная громада занимает целый угол в комнате тётушки, и вытянутое узкое зеркало ходит в зажимах, стоит только коснуться дверцы, где оно висит. Инесса раньше часто с гордостью рассказывала, что шкаф достался ей по наследству и хранит в себе дух множества поколений, и почему-то я всегда верила в эту историю. Наверное, это потому, что от

старого дерева пахло древностью и немного дряхлостью. Шкаф, кажется, всегда был — и всё ещё является — главным элементом этой комнаты, и остальная мебель стоит тут исключительно ради того, чтобы подчеркнуть величие этого молчаливого мрачного гиганта на мощных коротких ножках.

— А что пропало-то? — интересуюсь я у старшей сестры, опасливо заглядывая в чрево тёмного шкафа. В лицо сразу же бьёт терпкий запах лавандовых саше, которые тётушка обожает раскладывать между стопками чистой одежды и глаженным постельным бельём.

— Я слышал про драповое пальто, — доносится голос Димы из угла, где он без какого-либо стеснения рассматривает содержимое прикроватной тумбочки.

— Не лезь куда не просят! — сурово грозит Ольга брату, и тот сразу же захлопывает тумбочку, делая вид, что он тут ни при чём. — Мне тётушка говорила про белые туфли и пуховую шаль.

— Прежде чем искать, всё равно нужно из шкафа выселить вора, — припоминаю я уроки.

— Верно-верно, — Ольга кивает. — Чего боится живущий в шкафу?

— Уборки! — восклицает Лера.

— Моли! Моли! — твердит со стороны Дима.

Я мгновение в нерешительности переминаюсь с ноги на ногу, пытаюсь подобрать вариант ответа получше, и в конце концов неуверенно предполагаю:

— Что его затопят?.. Дерево ведь разбухнет и потом развалится...

Ольга хмыкает:

— Ты близка, Варька. Но огонь для деревянной мебели будет действеннее всего.

— Ух ты! Класс! — Лера широко распахивает глаза, предвкушая зрелище. — Будем прямо настоящий костёр разводить в шкафу?!

Старшая сестра уходит на кухню и возвращается с коробком спичек.

— Так! Я буду делать, а вы смотрите, куда побежит! Только не пропустите, иначе ещё неделю не същем.

Сноровисто чиркнув серной головкой, Ольга поджигает зажатую в руке смятую бумажку и бросает её на подготовленное заранее блюдо. Огонь жадно охватывает бумагу, разгорается сильнее, а сестра тем временем протягивает руку с тарелочкой внутрь шкафа.

Свет на мгновение озаряет темноту, пламя вытягивается узкими языками, так и норовя добраться до развешанной одежды, но Ольга следит, чтобы ничего не загорелось. Через минуту, когда лёгкий запах копоти ненавязчиво начинает щипать ноздри, вредитель

наконец-то решает показаться. С верхней полки с грохотом срываются на пол несколько обувных коробок, гремят вешалки, сдвигаясь в хаотичном порядке, и одна из створок резко захлопывается.

— Следите за ним! — кричит Ольга.

С вешалок начинает падать одежда, и сестре приходится загасить огонь, чтобы пламя не перекинулось на ткань. В тот же миг всё успокаивается, коробки замирают на местах, никаких звуков из шкафа больше не доносится.

— Ну и где он? — оглядываясь по сторонам, вопрошает старшая сестра.

Дима расстроено пожимает плечами.

— Я ничего не увидел, — горестно признаётся он.

— Мне кажется, он нырнул в нижний ящик, — неуверенно говорю я, хотя до сих пор сама не знаю, правильно ли отследила путь вредителя, искавшего себе новое укрытие.

Тут голос подаёт Лера, всё это время робко жавшаяся к стене возле входа в комнату:

— Он ушёл в зеркало. Я видела мелькнувшую тень.

— Нехорошо это, — подводит итог Ольга, ставя блюдо с пеплом на пол. Она необычайно сосредоточенна, по-взрослому серьёзна. Даже в её взгляде, направленном на зер-

кало, читается собранность и непритворная озабоченность происходящим.

— И что делать дальше? — озвучивает общий вопрос Дима, садясь на край кровати.

Все мы вдумчиво изучаем зеркало, которое, кажется, никак не изменилось. С первого взгляда можно даже посчитать, что никого в нём нет. Но стоит мне, широко раздув ноздри, втянуть носом воздух, как становится ощутим едва уловимый запах гнили. Это сладковатая вонь прелых яблок, горечь трухлявой древесины и кислая затхлость. Смерад идёт от зеркала. Чутьё никогда не подводит. Хотя в семье лишь у тётушки Инессы как у старшей в гнезде оно развито в достаточной степени, но и нам чутьё порой неплохо помогает, хоть владеем мы им все на весьма и весьма посредственном уровне. А Дима и вовсе почему-то до сих пор не научился пользоваться своим чутьём, что давно уже стало для нас предметом постоянных шуточек.

— По-хорошему — надо бить, — говорит Ольга.

— Инесса этому точно не обрадуется, — предупреждаю я.

— А какие у нас ещё варианты? Из зеркала его никак иначе не выцепить!

Ольга приносит из кладовки старую разорванную простыню и стелет на пол. А потом прямо на наших глазах берёт вешалку и ме-

таллическим уголком бьёт в центр зеркала. На гладкой поверхности появляется сеть длинных чёрных трещин, и почти сразу же осколки медленно начинают падать вниз как куски облупившейся краски, поднимая лёгкую дымку. Едва последний острый фрагмент оказывается в простыне, Ольга быстро связывает углы ткани:

— Я пойду выброшу всё это дело. А вы пока давайте ищите пропавшее!

Мы втроём разбредаем по всей квартире. Наступает самое интересное время — поиски спрятанных древоточцем вещей. Обыкновенно такие вредители ищут надёжные укрытия, где оставляют сворованные предметы, и подчас далеко не все из них удаётся отыскать. Но после изгнания вора с вещей спадает морок, и они становятся видны простому глазу. Это существенно облегчает нашу задачу.

Едва я переступаю порог детской, как сразу же замираю на месте с раскрытым ртом. Прямо возле люстры, размахивая своими углами на манер крыльев, порхает тётушкина белая пуховая шаль. Она летает кругами, медленно и плавно — эдакая большая красивая птица, случайно попавшая к нам в комнату через распахнутое окно.

До высоких потолков оказывается не так-то просто дотянуться. Первую минуту я пытаюсь

своими силами поймать шаль, подпрыгивая на кровати Ольги, но терплю поражение. Приходится сдаться и идти за шваброй, а дальше уже её черенком ловить пропажу. Едва пуховая шаль оказывается в моих руках, она мгновенно успокаивается, окончательно лишённая всех сил, которыми её успел наделить вредитель.

Первый улов есть!

У остальных дела идут гораздо хуже. Дима бежит из одной комнаты в другую как заведённый, надеясь быстрее всех отыскать вещи, но ему всё не везёт. А вот Лера, бледная как моль, без движения стоит в прихожей возле входной двери и не моргая смотрит на вешалку, жмущуюся в тёмном углу к напольному зеркалу.

— Ты чего?.. — не понимаю я сперва, а потом мне и самой удаётся разглядеть то, что так испугало младшую сестру.

На вешалке на одном из крючков висит тяжёлое драповое пальто. Его вытянутые рукава безжизненно свисают вниз, воротник поднят, и почему-то кажется, что за ним скрывается чьё-то лицо. То ли венчающие вешалку шапки и шарфы создают такую странную иллюзию, то ли из тени воротника и правда кто-то глядит.

— Жутко... — тянет Лера, почти не дыша. И я её прекрасно понимаю! Сама чувствую, как холодеют пальцы на руках.

Внизу стоят старые резиновые сапоги тётушки Инессы — высокие голенища уходят прямо под пальто. Из-за этого ещё больше кажется, что в тёмном углу скрывается какой-то молчаливый чужак, не ясно как проникший в гнездо и прячущий своё лицо.

— Не бойся! — шиплю говорю Лере, делаю короткий шаг вперёд и тяну руку к вешалке.

Едва только мои пальцы касаются пальто, как его рукав взмывает в воздух. Я вскрикиваю от неожиданности, где-то за спиной пищит от ужаса вжавшаяся в стену младшая сестра. Быстро — быстрее, чем успеваю об этом подумать — уже хватаю ткань и резко дёргаю на себя. Пустое пальто падает с вешалки и остаётся в моих руках. Под ним никого нет: только внизу старые сапоги, а наверху на крючках шапки.

— Ну чего вы тут копаетесь? — из приоткрытой входной двери показывается голова Ольги, вернувшейся с улицы. Она со смешком смотрит на наши с Лерой бледные лица и драповое пальто, которое я всё ещё инстинктивно сжимаю в пальцах.

В прихожую в очередной раз вбегает Дима, курсирующий по квартире как скорый поезд.

— Я ничего не нашёл, — расстроено сообщает он и, заметив, что наш улов оказался куда весомее, обиженно надувает свои круглые щёки.

Весь следующий час посвящён поискам белых туфель. Мы тщательно осматриваем всё гнездо, заглядывая в каждую комнату, шкаф и тумбочку, но обуви просто след простыл.

— Ты уверена, что туфли были? — в который раз спрашиваю я Ольгу, на коленях ползая возле нижних полок в кладовке и пытаюсь нащупать руками хоть что-нибудь.

Рядом сиротливо лежит закоптившаяся кастрюля, которую старшая сестра обещала выбросить, как только у неё дойдут руки. Но вот уже минула середина дня, а руки так и не дошли. И теперь испорченная кухонная утварь послушно дожидается своей участи, закатившись под полку и надеясь так там и остаться.

— Точно были! — твердит сестра, подпирая плечом косяк. — Ищи хорошенько! Кроме кладовки, им негде больше лежать.

Однако по прошествии ещё одного часа поисков ничего не меняется. Туфель нет. Ольга злится, что порученная нам работа так и не доведена до конца, а в гнезде впору уже проводить новую уборку, поскольку мы подняли кучу пыли из всех углов.

— Может, хватит? — первой не выдерживает Лера. — Я уже устала. А я сегодня ещё хотела фенечку доплести.

— Мне тоже надоело. Скучно! — ворчливо признаётся Дима, падая на стул на кухне и доставая из кармана смартфон.

— Толку от вас нет никакого! — мгновенно вспыхивает Оля. — Идите отсюда все тогда! Посуду помою, потом сама буду искать, если от вас никакой помощи не дождёшься!

Я чувствую лёгкие уколы совести, впрочем, как и Лера с Димой. Но им это почему-то совсем не мешает разойтись по своим комнатам. А вот я остаюсь. Не люблю расстраивать старшую сестру. Она и так из всех нас тут самая ответственная.

— Дай помогу с уборкой, — бурчу я, бедром легко отталкивая её от раковины и сдвигая к себе грязную посуду.

— Ты чего это, Варька? — сразу же спрашивает она, хмуря свои прямые брови. — Иди уж тоже отдыхай с остальными.

— Не, я тебе сперва помогу. Потом пойду, — сбивчиво бормочу себе под нос.

Ольга только громко фыркает, но я вижу, что моя забота на самом деле ей приятна. Она прячет мимолётную улыбку в уголках губ и начинает протирать стол мокрой тряпкой. Я тем временем ставлю в раковину кастрюлю из-под подгоревшей каши, открываю крышку и тут же замираю, едва сдерживая рвущийся из груди хохот.

На дне кастрюли в остатках каши лежат белоснежные туфли тётушки Инессы.

— Что ты там увидела? — Ольга вытягивает шею и заглядывает внутрь. На лице её отражаются одновременно возмущение, злость и вместе с тем безумное облегчение.

— И когда только успел их сюда засунуть! — выдыхает наконец сестра.

— Тем не менее работу мы сделали, — улыбаюсь я. — Тётушка Инесса будет довольна!

Вечером за ужином на кухне собирается вся наша большая семья, как и заведено. Мягкий свет люстры падает на стол, где представлен очередной шедевр моей старшей сестры — слипшиеся спагетти, густо политые кислым томатным соусом с вкраплениями сухого базилика. В этот раз от блюда хотя бы идёт приятный запах, и никто даже не ворочит нос, накладывая себе в тарелку разваренные макароны, гордо прозванные Ольгой «спагетти под соусом болоньезе».

Едва все немного утоляют свой голод, моя нетерпеливая старшая сестра сразу же гордо объявляет результаты охоты на дровоточца.

— Ничего не забыли, — осмотрев свои возвращённые и почищенные вещи, резюмиру-

ет довольная тётушка. — Молодцы! Хорошо сегодня поработали.

Мы все сразу начинаем улыбаться, растаяв от заслуженной похвалы. Особенно млеет от восторга Дима, хотя он-то как раз ничего так и не нашёл.

— И где вредитель сидел? — сухо любопытствует Анфиса, наматывая на вилку одинокую макаронину оставшуюся на её тарелке.

— Сначала в шкафу, потом забрался в зеркало, — отвечает Оля, а после виновато добавляет, поглядывая на Инессу: — Нам пришлось его разбить...

Тётушка слегка вздрагивает, а потом окидывает племянницу хмурым взглядом:

— Нехорошо.

Вся семья тут же замирает. Никто не стучит столовыми приборами, не жуёт — все только молча переглядываются. Если тётушка так говорит — значит, действительно ничего хорошего мы не сделали. Она никогда попусту словами не разбрасывается.

— Дурное это дело — разбивать зеркала, — тихо продолжает свою мысль Инесса и, поставив локти на стол, упирает подбородок в переплетённые пальцы, унизанные массивными перстнями. — Много чего они видят на своём веку, много плохого в себе хранят — чужие слёзы, горе, сомнения. И ед-

ва разрушается зеркальная грань — всё это попадает в наш мир.

Лера громко ахает, хватаясь за скатерть. Я нервно сучу ногами и кусаю губы, думая над словами мудрой тётушки. Если всё действительно обстоит именно так, как она говорит, то в дальнейшем ничего доброго гнездо не ждёт.

ГЛАВА 2

КУКОЛЬНАЯ ХОЗЯЙКА

С того самого дня всё в гнезде становится каким-то странным. Хотя тётюшка Инесса всё ещё неустанно продолжает твердить каждый вечер, что семье ничего не угрожает, но мы-то видим, что в квартире происходят перемены. Древоточцы неумолимо наводняют все комнаты, прячась порой в самых неожиданных местах и очень портя нам жизнь. Мне, например, не повезло в чет-

верг застрять в полу посреди прихожей. Ноги просто провалились сквозь половицы как в трясины и увязли там. Ни шелохнуться, ни с места сойти. Как назло, дома почти никого не было. Только Лера, которая по своему обыкновению купалась в ванне и из-за шума воды ничего не слышала, да Оля — она, надев наушники, половину дня сидела в своём планшете и переписывалась с кем-то из одноклассников. Так я и стояла четверть часа посреди прихожей, пытаюсь докричаться хоть до одной из сестёр.

Когда хлопнула скрипучая дверь детской и на пороге показалась Ольга в наушниках, я уже знатно осипла. Но она лишь с задумчивым видом прошла мимо меня на кухню, будто и не заметив, заварила себе чайный пакетик чуть тёплой водой и двинулась обратно, вальяжно рассекая пространство, как крейсер — волны. Она даже не обратила внимания на свою сестру, по лодыжки увязнувшую в полу.

— Оля! — не выдержала я, когда она прошла мимо во второй раз, уже возвращаясь в нашу детскую с чаем.

Она явственно вздрогнула и обернулась. Её взгляд сосредоточился на мне и моих ногах.

— А как это ты так умудрилась?.. — спросила она, сняв один наушник.

— Не важно как! Важно, что ты наконец снизошла до меня, тетеря глухая!

Оля смутилась и стянула наушники на шею:

— Ты меня звала? Я не слышала. Извини... Сейчас тебя вытащим.

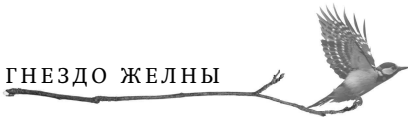
Она быстро сходила на кухню, налила в глубокую миску воды и вернулась. Холодная вода тонким ручейком полилась на мои босые ноги.

— Ты сегодня какая-то рассеянная, — уже остыв, беззлобно упрекнула я сестру. — Ладно Лерочка — она мелкая, ей можно. Но ты...

— Я просто переписывалась и забыла обо всём на свете, — невнятно пробормотала она себе под нос, а я заметила на её щеках розовые пятна румянца.

— Ты что, в кои-то веки с Антоном списалась? — догадалась я. Ноги у меня уже окоченели от холодной воды, которой их заботливо поливала старшая сестра, но вредитель всё не хотел отпускать ступни.

Оля покраснела ещё больше и кивнула. Я изумлённо присвистнула. Антон был одноклассником Ольги и её тайной любовью, идеальным, по её мнению, парнем, на которого она постоянно заглядывалась, обсуждала его попеременно то с нами, то со своими школьными подругами, но совершенно теряла дар речи, стоило её объекту обожания оказаться

рядом. И тем удивительнее была новость, что она набралась смелости и вступила с ним в переписку.

— Я тобой, конечно, горжусь... — сказала я, — вот только не помогает твоя вода. Придумай что-нибудь другое! А то у меня сейчас ноги отвалятся от холода!

Ольга прекратила лить воду и унесла миску, бросив мне половую тряпку, чтобы я вытерла последствия. Пока я размазывала лужи по половицам, сестра вернулась из кухни с огромным тесаком.

— Ты что собираешься делать? — с опаской спросила я.

Она лишь молча опустилась на колени и стала разбирать половицы, поддевая их ножом.

— Понимаешь, он мне первый написал! — между делом поделилась Оля. — Сказал, что давно хотел пообщаться, узнать меня поближе, но боялся показаться назойливым. Представляешь?.. Знаешь, он такой милый...

Я закатила глаза, пока сестра не видит. Стоило Антону появиться на горизонте — она сразу становилась сентиментальной дурочкой. Не такой я привыкла видеть свою собранную и серьёзную сестру. Если эта переписка продолжится, то, кажется, Оля скоро окончательно превратится во влюблённо

воркующую голубку, думающую только о своём голубке.

Когда две половицы уже оказались у сестры в руках, ноги стало потихоньку отпускать. Я медленно вытянула ступни из топкого пола и принялась их разминать.

— Ты смотри не забудь про всё на свете с этим своим Антоном, — строго упрекнула я Ольгу. — У тебя экзамены в этом году. В розовых очках их писать будет сложновато, знаешь ли!

Оля смерила меня недовольным взглядом из-за того, что я вздумала учить её жизни, но говорить ничего не стала, только молча вернула половицы на место. И мы разошлись в тот день как в море корабли, оставшись каждая при своём мнении. Она поплыла в страну любовных переживаний, а я занялась более приземлёнными вещами — взялась вытаскивать Леру из ванной и убирать потоп, который она как обычно устроила во время своего мытья.

Встреченный в тот день вредитель оказался одним из тех нежеланных жильцов, которых мы просто не можем никаким образом выгнать из гнезда. Чтобы заставить незваного гостя уйти, придётся перебирать все полы в комнатах, а никому это делать не хочется. Но в последнее время таких вот основательно

обустроившихся в нашей квартире древоточцев становится только больше. Никто им не рад, многих из них мы не способны выгнать, не разрушив при этом всю квартиру до основания, а тётушки всё продолжают каждый день по утрам ругаться на кухне, привлекая всё больше и больше тёмной энергии. Сколько бы я ни подслушивала, но суть их криков всё ещё остаётся для меня загадкой. Они попеременно друг друга в чём-то обвиняют, теперь ещё и постоянно возвращаясь к теме разбитого зеркала и нашествия древоточцев, но при этом я так и не могу разобраться, о чём же конкретно они спорят. Оля тоже пробовала подслушивать со мной, но успехов, как и я, не достигла. И вот мы уже просто не понимаем, что же происходит в нашем собственном гнезде и что с этим делать.

Очередная ссора заканчивается громким хлопком двери — это тётя Анфиса слабовольно бежит из квартиры и от всех нас. Я привычно очищаю гнездо свечой, обходя все комнаты по кругу и прогоняя клубы чёрного дыма, чтобы в конце концов в глубокой задумчивости замереть на пороге спальни Анфисы, где витает резкий запах каких-то дешёвых духов и пыли. Пыль вообще давно является здесь полновластной царицей, зани-

мающей собой все горизонтальные поверхности и медленно порхающей в воздухе.

— Пыль — это частичка нас! — каждый раз уверенно твердит тётя Анфиса, нравоучительно выставляя вверх указательный палец, едва я начинаю прибираться в её комнате. — Это чешуйки нашей кожи, выпавшие волосы — они тоже обладают памятью тела и крохами нашей силы. Пыль способна на многие вещи, если знать, как правильно её использовать!

— И как же её использовать? — без усталости пытаюсь я выведать эту страшную тайну.

Но тётя каждый раз лишь противно морщит нос, как старая, умудрённая жизнью крыса, почуявшая яд, и сухо отвечает:

— Вот будешь послушной девочкой — расскажу! А пока иди-ка отсюда со своей тряпкой, и нечего мне тут грязь по полу размазывать.

И я раз за разом ухожу — побеждённая, но не сломленная. И год за годом надеюсь однажды вызнать, что же такого удивительного в обычной пыли. Сегодня я решаю выведать этот секрет у тётушки Инессы, которая, выйдя из ссоры победительницей, явно крайне довольна её завершением и порхает по квартире как пушинка, несмотря на свои внушительные габариты.

— Ты больше её слушай. Она всё что угодно скажет — лишь бы её вещи не трогали! — даёт мне тётя довольно краткое и банальное объяснение.

— Так что же это получается, — я обиженно надуваю губы. — В пыли нет ничего такого? Но ведь ты сама постоянно твердишь, что всё в этом мире имеет свою силу!

— Это обыкновенная грязь. Ты лучше не забивай себе голову глупостями, а иди уберишься у неё, пока Анфиски дома нет.

Выбросив почерневшую свечу и вооружившись веником и сырой тряпкой, я, понурившись, иду в комнату тётти. Пыли кругом и правда лежит такой слой, что кажется, из неё можно соткать целое одеяло. Но в одном тёттушка Инесса права — Анфиса ох как не любит, когда кто-то трогает её вещи, а посмотреть в её шкафах и комодах как раз всегда есть на что.

Она давно славится собирательством всякой ненужной мелочи вроде нелепых разукрашенных фарфоровых статуэток, которые занимают все пять боковых полок её шифоньера. Комод завален старой косметикой, нечищеными потемневшими колечками и серьгами, брошками и браслетами, а под золочёной рамой овального зеркала висят старые выцветшие открытки, письма, чьи-то

фотографии и записки. Копаться здесь можно бесконечно долго и всё равно каждый раз находить что-то новое, что-то неизведанное и интересное.

Я долго ползаю под кроватью, собирая клочья пыли и сдвигая старые коробки из-под обуви и связанные кипы книг, которые так никто и не распаковал после переезда, когда со стороны прикроватной тумбочки неожиданно раздаётся слабый гул.

Да, этот неприятный звук, к сожалению, мне хорошо знаком. Сначала он начинается как едва различимый шум, а потом, если к нему долго прислушиваться, перерастает в настоящий стон, полный мольбы. Но делать этого точно не следует, как и вестись на этот зов.

Когда я была совсем маленькой и ещё училась в первом классе, то однажды мне не повезло из любопытства забраться за тумбочку тёти Анфисы. Я играла в одиночестве в её комнате, потому что только здесь лежал достаточно толстый махровый ковёр, на котором было тепло сидеть. Стояла такая лютая зима, что я, как сейчас помню, дальше этого ковра вообще никуда не уходила. Там у меня были разбросаны куклы, обрывки ткани для их новых нарядов и старые растянутые резинки для волос, с помощью которых куклы обретали свои кривые косички.

И когда слева от меня вдруг раздался этот протяжный и лёгкий гул, я совсем не ожидала ничего подобного. Куклы выпали из рук, сердечко заколотилось в груди. А дома из взрослых была только Ольга, которую тогда даже взрослой толком назвать нельзя было — на год и девять месяцев меня старше, а мозгов едва ли больше. Она сама сидела в нашей детской и, слюнявя палец, листала книжки с картинками.

Позвать её у меня почему-то даже язык не повернулся. Но неожиданно захотелось посмотреть, что же там так страшно и в то же время завлекательно гудит за тумбочкой.

С трудом отодвинув разохшийся предмет мебели, я во все глаза уставилась на чёрный лаз, который уводил куда-то в неизвестность. В нём гудел тёплый ветер: именно этот звук и доносился из-за тумбочки в минуты тишины в комнате.

Всё это было очень странно, ведь стена между спальней тёти Анфисы и кухней была не такой уж толстой, чтобы там хватило места для полноценного тоннеля, но тем не менее он там был.

Интересно, куда же он ведёт? Тогда я задумалась об этом совершенно серьёзно. И больше остального меня возмущало то, что никто в гнезде мне раньше о тайном лазе не рас-

сказывал. Это было возмутительно! И, подбадривая себя подобными мыслями, я смело поползла на четвереньках в темноту прохода. Очень скоро слой бетона сменился холодными стальными стенками.

К моему удивлению, тоннель не только не заканчивался, но и начал по-змеиному извиваться, постоянно куда-то сворачивая и то сужаясь, то расширяясь. В конце концов, когда я уже содрала себе все ладони о шершавый металл, впереди появилась решётка. Судя по всему, это была вентиляция, и я без каких-либо проблем толкнула дверцу и выпала наружу.

Повезло, что пол оказался рядом и был устлан чем-то мягким. Приглядевшись, я поняла, что лежу в горе игрушек всех цветов и размеров, сваленных вдоль стен большой темноватой гостиной, посередине которой сама собой покачивалась колыбелька с оглушительно кричащим младенцем.

Ничего себе! Поднявшись на ноги, я оглядела комнату. Никак не ожидала, что тётя Анфиса любит забираться в чужие квартиры! Да ещё и таким непростым путём...

Гостиная утопала в игрушках, окон нигде не было видно, а из коридора тянуло тёплым воздухом, пропитанным совершенно отчетливым запахом кипятящихся пелёнок.

Кроме криков ребёнка, ничего не было слышно, но подходить и успокаивать его мне вовсе не хотелось. Не хватало только возиться с чужим младенцем! Да ещё так противно вопящим.

Осторожно ступая по игрушкам, я выглянула в коридор. Эта квартира была большой, мрачной и насквозь провонявшей каким-то резким запахом, который шёл буквально от всего — от игрушек, от мебели и, кажется, уже и от моей одежды тоже. На кухне явно кто-то сутился, стуча деревянными щипчиками по кастрюле с кипятящимися пелёнками и меня, к счастью, не слыша.

Почему-то я чувствовала, что встречаться с хозяином или хозяйкой квартиры не стоит. Кто вообще обрадуется, что в его жилище посреди дня забрался чужой ребёнок?!

Потому я собиралась лишь немного походить здесь и быстро обратиться обратно, пока меня не заметили.

И всё-таки для чего тёте Анфисе нужен ход в эту квартиру?

Осторожно выскользнув в коридор, я прокралась в соседнюю комнату, которая оказалась спальней. Монструозного вида деревянная кровать занимала практически всё пространство, а остальная его часть была заставлена куклами одного со мной роста.

Было в них что-то жутковатое. То ли глаза казались слишком живыми, то ли головы и правда поворачивались вслед за мной. Я бродила между куклами, удивляясь реалистичным чертам лица, подмечая даже родинки и аккуратные реснички, которые заботливый мастер сделал своим игрушкам. Все они напоминали юных девочек и мальчиков, в пышных платьях и в костюмах, с перевязанными лентами волосами и с корзинками или муляжами фруктов в руках. Подойдя вплотную к одной из кукол, я стала рассматривать её глаза, пытаясь понять: слёзы тоже нарисованы или из игрушки действительно сочится влага.

И в этот момент плачущая кукла медленно моргнула.

От неожиданности я вскрикнула и отпрыгнула в сторону.

Куклы были живыми!

Эхо предательски разнесло мой крик по всему коридору, и тотчас на кухне стукнули брошенные на столешницу щипцы.

Меня услышали!

Едва успев подхватить свои тапки, я бросилась к кровати, надеясь спрятаться под ней. Грязи и пыли там, конечно, было целое море, но я, зажав нос, всё равно упрямо пробиралась дальше, пока не упёрлась головой в не видную в темноте преграду.

Когда на пороге комнаты показалась хозяйка, я уже забралась так далеко, что едва могла дышать и что-то видеть. Разместившись в итоге где-то между свёрнутым в рулон ковром и пустыми коробками, от которых шёл чудовищно ядовитый запах химии, я могла видеть лишь узкую полосу света над полом.

Наверное, это было к лучшему, ведь женщина, которая вошла в комнату и остановилась возле кровати, напугала меня до мурашек одними своими босыми ступнями, покрытыми какими-то отвратительного вида струпьями и болячками. Её жёлтые потрескавшиеся ногти выдавались вперёд, а толстые икры были испещрены вздувшимися венами и варикозными звёздочками. Ни у кого никогда я не видела таких ног, и отчего-то мне подумалось, что её лицо должно быть ненамного приятнее.

Закрыв рот и нос ладонью, чтобы случайно не наглотаться пыли и не чихнуть, я не шевелилась, слившись с темнотой. Судя по скрипящим половицам, хозяйка была крупного телосложения. Она медленно обошла всю комнату, и её тяжёлое грудное дыхание было хорошо слышно даже под кроватью. Будто хищник вынюхивал добычу с клокочущим в глотке хриплым рыком.

Только бы не вздумала наклониться! Только бы ушла как можно скорее!

В гостиной на одной ноте плакал ребёнок, но хозяйка будто его не слышала: судя по шелесту одежды, она перекладывала своих кукол.

Неужели ищет меня? Думает, я укрылась среди её жутких игрушек? А когда закончит их осматривать, то и под кровать заглянет? А что, если и правда?!

На кухне громко зашипела вылившаяся прямо на плиту вода. Встрепенувшись, женщина тотчас бросилась к забытой на огне кастрюле с пелёнками.

Это мой шанс! Нужно убираться отсюда, пока действительно не поймали!

Стараясь не шуметь, я выбралась из-под кровати и выскользнула в коридор, всё время поглядывая на распахнутую дверь кухни в самом конце квартиры.

Обстановка здесь, конечно, была странная. На всех стенах в коридоре висели старые чёрно-белые фотографии, где все эти куклы были посажены на лавки, диваны или в кресла как живые люди и смотрели прямо в объектив.

Я передёрнулась от пробежавших по лопаткам мурашек. Прокравшись в гостиную, я уже собралась выдохнуть, но не тут-то было. Младенец в колыбели внезапно закричал таким дурным голосом, словно его ошпарили кипятком. Он выводил рулады, перехо-

дившие в истерику, и почти сразу же с кухни вновь слышались торопливые шаги.

Да что же это такое! Нырнув как в бездонный омут в кипу игрушек, сваленных у ближайшей ко мне стены, я замерла. И в тот же миг на пороге возникла хозяйка. Она шагнула к люльке и стала молча укачивать малыша, но тот всё никак не желал замолкать.

В щёлку между игрушками я оглядела комнату, бросив тоскливый взгляд на противоположную стену, где меня дожидалась приоткрытая решётка вентиляции. Теперь до неё точно не добраться. Пока хозяйка здесь, я вряд ли сумею прокрасться мимо неё незамеченной.

Что же делать? Закусив губу, я стала ждать. Не может же этот ребёнок кричать без остановки целый день, в самом деле! Но через десять томительных минут выяснилось: может. Потому что время шло, а младенец не успокаивался. И моя надежда тихо выбраться из этой ужасной квартиры таяла на глазах.

Вечно сидеть на месте тоже было нельзя, и я, осторожно раздвигая игрушки, стала по стеночке на четвереньках ползти по периметру комнаты, прикрываясь плюшевыми слонами, медведями и зайчиками. Когда до решётки оставалась всего пара метров, хозяйка вдруг с хрипом вскинула голову, шумно втянула носом воздух и обернулась. Я замерла, как мышь

под веником, забыв даже, как правильно дышать. Закрывающая меня от женщины куча игрушек мешала обзору, но одно я разглядела точно. У обернувшейся в мою сторону хозяйки квартиры не было лица — только огромная пасть, из которой высунулся длинный синеватый язык и где поблёскивали ряды острых чёрных зубов, тянувшихся до самой глотки.

От страха я онемела, чувствуя, как сердце отбивает в груди сумасшедший ритм.

Что это за существо?! В чьём логове я оказалась?!

Внезапно меня, выводя из ступора, схватила за локоть сухая холодная ладонь, и я едва не задохнулась от ужаса. Но другая рука тут же зажала мне рот. Это была тётя Анфиса: она сидела рядом, тоже спрятавшись в горе мягких игрушек, и взгляд её мерцающих в полумраке больших глаз был таким же испуганным, как у меня.

Я недолюбливала свою вторую тётю, склочную и вечно всем недовольную, но в тот момент была готова её расцеловать — за то, что пришла за мной, что отыскала меня здесь. Теперь было не так страшно: ведь я уже не одна.

Приложив палец к губам, она поманила меня за собой и первой двинулась к вентиляции. Прячась за игрушками и не делая резких движений, мы доползли до решётки

и забрались туда. Напоследок я обернулась, выискивая взглядом страшную хозяйку квартиры. Она всё ещё стояла возле колыбели, раскрыв свою пасть и принюхиваясь. Слюна с её языка капала на пол, а младенец в люльке так и продолжал орать.

— Быстрее! — шёпотом поторопила меня Анфиса, и я поползла за ней по вентиляционной шахте.

Когда мы обе вывалились на ковёр в нашем родном гнезде, я сразу же расплакалась как испуганная дурочка. Вокруг уже собрались все сёстры, брат и тётушка Инесса, а я всё редела, размазывая по щекам слёзы и сопли и указывая пальцем на зев тоннеля за тумбочкой.

— Ну чего ты ревёшь? — даже растерялась Анфиса. — Сама же и полезла куда не просили, и сама же теперь хнычешь! У-у, Варька, бестолковый ребёнок! Ну вот зачем ты туда забралась?

Сколько ни успокаивали меня сёстры, сколько Дима ни тыкал в меня печеньем, всегда припасённым про запас в нагрудном кармашке его детского комбинезона, дельного я ничего так и не ответила. Только через пару часов, когда я уже сидела на коленях у тётушки Инессы, а она мягко меня обнимала, я призналась:

— Мне стало обидно, что в квартире есть что-то, о чём я не знаю... От меня все скрывают тайный ход, как от маленькой, вот я и решила сама поглядеть, куда он ведёт...

— Так ты и есть маленькая, — усмехнулась Инесса. — А разве нет? Вон как глупо поступила. Ни у кого ничего не спросила, сама туда полезла и чуть там же и не осталась. Разве это не поступок несмышлёного ребёнка?

— Наверное, — буркнула я, опустив взгляд.

— Ну-ну! Не дуйся. Знала же я, что рано или поздно кто-нибудь из вас туда заберётся. В нашем роду все любопытны от природы сверх меры — но нужно же думать и о собственной безопасности, когда шагаешь в другие миры.

— А это был другой мир? — тихо спросила я, едва схлынула первая волна изумления.

— А как сама-то думаешь? Конечно, он и был! Все мы — дети бескрайнего Леса, где каждое дерево — это отдельный мир, одновременно и похожий на все остальные, и не похожий ни на что. И часто по ветвям из одного измерения можно попасть в ближайшие. Правда, совершать подобные путешествия без надобности всё же не следует, моя пташка.

— Мы все живём на дереве? — искренне удивилась я, вспомнив о школьных уроках, где рассказывали то о круглых планетах, ле-

тающих в чёрном небе, то о трёх слонах, стоящих на спине черепахи. Всё это не укладывалось у меня в голове, ровно как и слова о Лесе.

— А где ещё, по-твоему, должны гнездиться птицы? — прищурившись, с хитрецей в голосе спросила тётушка, ссаживая меня со своих коленей.

— Выходит, я сегодня была на другом дереве? — сделала я вывод.

— Верно. Но заблудиться в этом Лесу проще простого, Варя. И всегда нужно помнить путь домой или уметь позвать тех, кто тебя выведет. Например, нашу семью.

— А как это сделать-то без мобильного телефона? — жалобно заныла я. — Будь у меня там телефон, я бы домой позвонила! Но вы мне всё никак его не подарите... — Я вся сжалась в комок, готовясь вот-вот захлюпать носом. Всё что угодно — лишь бы в который раз доказать необходимость покупки мне такой желанной игрушки, выпрашиваемой уже целый год. Но тётушка Инесса сразу же строго ответила:

— Не нужен тебе никакой мобильник, Варвара! — Она всегда, когда сердилась, звала что меня, что сестёр полными именами, и я тут же неосознанно втягивала голову в плечи. — Умей слушать сердце! И звать тех, в ком течёт та же кровь, что и в тебе. — Она схватила меня за руку и положила мою ладонь мне же на грудь.

— Вот! Здесь твоё сердце, Варя! Здесь твоя жизнь — и здесь частица всех нас, всей твоей семьи. Позови нас, и мы всегда сможем тебя отыскать, где бы ты ни оказалась. Никогда не забывай об этом. — Она коснулась унизанными перстнями пальцами своей груди и закрыла глаза. И в тот же миг я почувствовала, как кровь в моих венах вскипела. Я ощутила зов, который тянул меня вперёд, который бился внутри меня как птица в клетке и красной нитью указывал мне путь. Даже прикрыв веки, я видела, куда ведёт эта незримая линия, дрожащая от зова. Она вела к моей тётушке, сидящей напротив. Прямо к её сердцу, уверенный ритм которого отдавался эхом у меня в ушах.

— Теперь ты слышишь мой зов?

— Д-да, — поражённо кивнула я, не в силах пошевелиться.

— Никогда не забывай, что он рождается из твоего сердца. И тогда ты не потеряешь дорогу к дому. — Она встала и, поцеловав меня в макушку, ушла с кухни.

А я так и стояла, глядя, как тянется за тётушкой алая нить, которую я не замечала столько лет.

Да, тот день я помню хорошо. Даже сейчас смех берёт, какой простодушной девочкой я была в те годы! Сколько всего не знала, сколько всего не видела вокруг.

И теперь уже мало что способно меня удивить.

Бросив пыльную тряпку на пол в комнате тёти Анфисы, я устало приваливаюсь спиной к тумбочке. За ней всё ещё гудит ветер. Но туда я уже больше никогда не полезу, что бы вообще откуда ни доносилось. С того самого памятного дня этот проход тётя Инесса закрыла, сперва окурив дымом семи трав, а после поставив там решётку с замком. Больше никто не должен оказаться в логове кукольной хозяйки и её младенца. Ключ от решётки был лишь у Анфисы — правда, как я ни допытывалась, она так и не созналась тогда, для чего ей вообще был нужен этот проход.

Вот слышится шорох ключа в замочной скважине входной двери — и на пороге гнезда появляется Анфиса. Едва успев скинуть туфли, она сразу же замечает меня, сидящую на полу в её комнате с тряпками и тазиком воды.

— Ты что это творишь, Варька?! — обеспокоенно спрашивает она, в мгновение ока оказываясь в спальне. — Убираться тут у меня вздумала?! А ну брысь отсюда со своими швабрами и метёлками, и чтоб я тебя не видела больше в моей комнате!

Вскочив на ноги, я кубарем выкатываюсь в коридор. За мной оглушительно громко хлопывается дверь.

Тётушка Инесса, проходившая мимо, смотрит на меня поверх очков и мягко спрашивает:

— Что, не успела до конца убраться?

Я лишь тяжело вздыхаю в ответ.

— Ну ничего-ничего, моя пташка, — воркует тётушка, удаляясь на кухню. — Когда-нибудь она ослабит свою бдительность, вот увидишь. И тогда главное — чтобы ты в тот момент оказалась в нужном месте.

Я морщусь, пытаюсь понять, уборку ли подразумевает тётушка или её фраза имеет какой-то более глубокий смысл, осознать который мне пока не суждено, но Инесса, поливая цветы на кухонном подоконнике и поглаживая их листочки, уже забывает обо мне и лишь тихо напевает себе под нос.

ГЛАВА 3

ЛИЦА

Тётушка Инесса днём работает в библиотеке, расположенной совсем недалеко от пятиэтажки, на последнем этаже которой мы живём. Библиотека эта такая крошечная, что, когда меня вместе с сёстрами водили туда в раннем детстве, я могла за пару минут обежать её всю, потрогав каждый стеллаж, из-за чего, собственно, она и казалась мне тогда чрезвычайно скучной. Тётя Инесса всегда пыталась образумить меня, дать побольше интересной литературы, но

я только бесцельно бродила из зала в зал, рассматривая красочные обложки стоящих на полках книг, даже не открывая их. Наверное, всё изменил один день, когда тётушка как бы случайно оставила в библиотеке на столе возле меня раскрытую книгу, где в самом конце страницы была небольшая иллюстрация — свернувшийся кольцами и зарывшийся в песок двухголовый красный змей.

— Я никогда таких не видела, — едва глянув на изображение, сказала я Инессе. — Он какой-то неправильный.

Тётушка мягко улыбнулась и опустилась на пустой стул возле меня.

— Не всё, что не похоже на привычные тебе вещи, неправильно, моя пташка. Этот змей просто не принадлежит нашему миру.

— Он из другого мира? — сразу же заинтересовалась я.

— Верно. Как и эта книга. Она создана не в нашем измерении, хотя прочитать её ты можешь.

Я осторожно взяла в руки книгу и взгляделась в текст. Язык был мне знаком. Он ничем не отличался от того, на котором было написано большинство книг в этой библиотеке. Вот только там описывались вещи и явления, о которых я никогда не слышала: например, что небо рождалось в муках и потому цветом напоми-

нает кровь, а земля давно иссякла под гнётом четырёх светил и поэтому иссохла до состояния песка, превратив весь мир в пустыню.

— Этот змей... — прошептала я, косясь на тётушку, — он живёт в мире, который здесь описан?

— Да. И этот мир реален, Варя. Но он сильно отличается от того, что привыкли видеть мы. Окружающий нас бескрайний Лес многолик. Многие его деревья похожи как две капли воды и чаще всего растут неподалёку друг от друга. Но отдельные могут иметь облик, вообразить который ты не сумеешь, даже приложив всю свою фантазию.

— Как этот, например? — я указала на строчки в книге.

— Как этот. И таких необыкновенных, ни на что не похожих миров миллиарды, Варя. И существа, населяющие их, причудливы. Конечно, в большинстве частей Леса ты никогда не побываешь, о других узнаешь лишь с чужих слов, но что-то доступно тебе уже сейчас — ты можешь прочесть книги, которые наша семья собирала веками, и открыть для себя многоликость Леса.

С тех самых пор я полюбила книги. Тётя Инесса давала мне фолианты и свитки из своей собственной библиотеки, и я с радостью изучала старинные труды, узнавая о мирах,